

хату, вышла съ нимъ на улицу и сѣла рядышкомъ на заваленкѣ и все говорила, говорила, ни на минуту не умолкая, пока, наконецъ, у Андрея не пошла кругомъ голова. Тогда онъ выругался, поправилъ шапку, плюнулъ и пошелъ въ волость къ писарю.

Нужно было видѣть, во что превратилось лицо гусаковскаго писаря, когда онъ узналъ, въ чемъ дѣло. И безъ того лицо у него было не Богъ знаетъ какое, а тутъ ужъ совсѣмъ стало ни на что не похоже. На лицѣ этомъ, на которомъ вмѣсто волосъ росло что-то въ родѣ маленькихъ кустиковъ бурьяна, расположенныхъ безъ всякой симметріи, гдѣ попало, — командующую позицію занималъ носъ и, надо сознаться, очень странный носъ. Это былъ совершенно правильный, даже красивый носъ — прямой, тонкій, остроконечный, съ горбинкой, — но увеличенный, сравнительно съ носами обыкновенныхъ людей, приблизительно въ три раза; онъ производилъ впечатлѣніе обыкновеннаго носа, рассматриваемаго подъ лупой. Прочіе лицевые органы гусаковскаго писаря: ротъ, глаза, лобъ и подбородокъ — были, напротивъ, миниатюрны и совершенно ступшевывались; вслѣдствіе этого, когда вы разговаривали съ писаремъ и смотрѣли ему въ лицо, вамъ казалось, что вы разговариваете съ его носомъ; а когда гусаковский писарь задумывался надъ какимъ-нибудь важнымъ вопросомъ, вы были совершенно увѣрены, что мыслительная работа происходитъ у него въ носу. А звали гусаковскаго писаря Назаромъ Назаровичемъ. Была у него и фамилія — Елпидифоровъ, но ни одинъ изъ гусаковскихъ обывателей, не исключая даже старшины, не былъ въ состояніи вымолвить эту фамилію даже до половины, а всѣ просто называли его Назаромъ Носатымъ. Самъ же Елпидифоровъ, когда бывалъ выпивши (что считалось его нормальнымъ состояніемъ), именовалъ себя Назореємъ, по поводу чего пріятель его дьякъ обыкновенно ядовито замѣчалъ: «изъ Назарета можетъ ли быть что добро?»

Назаръ Назаровичъ сидѣлъ на заваленкѣ у расправы, рядомъ съ нимъ помѣщались двое парней и баба весьма почтеннаго возраста. Вся компанія прилежно занималась щелканіемъ сѣмечекъ, и Андрей, поздоровавшись со всѣми, сѣлъ рядомъ и занялся тѣмъ-же дѣломъ, какъ будто именно затѣмъ и пришелъ. Баба рассказывала о какомъ-то новомъ способѣ красить пасхальныя яйца такъ, чтобъ краска не сходила, и тѣма эта оказалась настолько животрепещущей, что ее хватило, по крайней мѣрѣ, на два часа общихъ разговоровъ. Андрей злился и мысленно проклиналъ бабу съ ея способомъ, но тѣмъ не менѣе